

WANDA SUPA

Białystok

Проблемы антропологии будущего в современной русской прозе

В контексте интересующей нас проблемы стоит припомнить, что предсказыванием будущего на всевозможные способы люди всего мира занимались с доисторических времен, и, по всей вероятности, будут заниматься до конца существования земной цивилизации, так как процессы прогнозирования будущего неразрывно связаны с формулированием вопросов о начале и конце человеческой жизни, ее смысле, судьбе после смерти; воображаемые перспективы отражают надежды и тревоги поколений. Анализ дат создания различных футурологических прогнозов показывает, что наибольшее их количество появляется в драматические времена и сдвиговые моменты истории, в ситуациях угрозы, вызванной войнами, стихийными бедствиями, эпидемиями, страхом перед новым и т.п. Предсказания или внушают оптимизм, или, напротив, пугают несчастьями, взывая к перемене ценностных приоритетов. И в далеком прошлом, и в наши дни существовали и существуют разного типа “профессиональные” прогнозисты, к которым обращаются властелины народов и государств.

В общем, прогнозы будущего подразделяются на две большие группы. Первую из них составляют предвидения, авторство которых приписывается сверхъестественным силам – божествам или духам предков. Провозглашающие их пророки, жрецы, ясновидящие, предсказатели и прозорливцы считают себя только посредниками между таинственными силами и людьми, которым прогнозы адресованы. В истории нескольких религий (иудаизм, христианство, ислам) сформировался престижный статус пророка или предсказывающего святого как человека избранного, разъясняющего

божественные откровения, обличающего несправедности и вдохновляющего к переменам. Пророчества, как правило, посвящены делам из числа самых значительных, касающихся судеб народов или человечества в целом, как в самом известном из апокалипсисов – *Откровении ап. Иоанна Богослова (Апокалипсис)*. Они не обозначают точного предсказания будущего, нередко их смысл скрыт в трудной для расшифровки символике. История, история религии и литература запечатлели многочисленные портреты древних предтеч: наиболее известные из них это Кассандра, Тейрезий, Пифия, сибиллы, ветхо- и новозаветные пророки, Заратустра. В более поздние времена появились Нострадамус, отец Пий, дети из Фатимы, Эдгар Кейси, Вольф Мессинг, Ванга и множество других.

К предсказаниям, ссылающимся на авторитет сверхъестественных сил, принадлежат также гадания. В отличие от пророчеств, гадания концентрируются на делах индивидов (хотя могут касаться и целых групп людей) и чаще всего таких явлений, как человеческое счастье, материальное благополучие, любовь, наличие и судьба потомства. Гадания рождены языческой стихией и, несмотря на неприязнь религиозных и научных институтов к ним, продолжают активно развиваться и в XXI веке. Они очень разнообразны во всех аспектах, хотя бы в таком, что гадать можно почти на всем: на картах, линиях ладони, из огня, звезд, на кофейной или чайной гуще... Кроме того, предтечи и кудесники пытаются использовать свои умения практически, занимаясь лечением, поисками пропавших людей и вещей, помощью в поисках счастливой любви и т. п. Гадательные практики имеют свои названия и процедуры, напр.: нумерология, хиромантия (по линиям ладони), аломантия (по соли), иеромантия (по внутренностям животных) и свою многовековую историю; в эпоху постсовременности с ее вездесущей техникой интерес к предсказаниям такого типа ничуть не слабеет, напротив, у нас видящихся появились новые возможности выступать в телевизионных программах или в интернете.

В не меньшей мере, чем сами предсказания, человеческое внимание всегда притягивал вопрос: сбываются ли они? В контексте этого вопроса наиболее пристально изучалась Библия и ее исследователи утверждают, что на страницах этой книги зафиксировано около 2500 предсказаний, в основном пророчеств, из чего около 2000, касающихся в первую очередь появления Мессии и судьбы

еврейского народа, уже сбылось¹. Каждый год религиозными издательствами печатаются книги, авторы которых интерпретируют с точки зрения современной антропологической ситуации библейские и другие предсказания².

Вторая группа футурологических прогнозов это интеллектуальные теории и проекты: научные, научно-фантастические, фантастические, спекулятивные, которые создают специалисты разных областей науки и люди искусства, в первую очередь литераторы. В 60-е г. XX века сформировалась футурология как отрасль науки, занимающаяся прогнозированием в области техники, экономики, геополитики, культуры, демографии³, но она не пользуется большим авторитетом. Как известно, научные исследования позволяют узнавать и понимать все больше, но никогда не ведут к полному освещению эсхатологических, всегда волнующих людей вопросов, поэтому и в эпоху расцвета науки остается место предвидениям и воображению.

Большинство национальных литератур мира обращается ко всем, унаследованным от прошлого и функционирующим в современности видам прогнозов будущего. Литература постоянно обогащает уже существующие формы с целью удовлетворить закодированную в сознании и подсознании потенциальных читателей потребность проникать мыслью и воображением в будущее. Известные профетические жанры: пророчества, притчи, апокалипсисы, вещие сновидения и проповеди могут активизироваться как самостоятельные литературные жанры, но чаще всего они используются как составные элементы художественного целого, как слагаемые создаваемой в произведении картины мира, концепции героев, или

¹ Напр.: Н. Ross, *Wypełnione prorocstwa. Dowody na nieomyślność Biblii*, www.zbawienie.com/prorocstwa.htm; *Biblia i jej wypełnione prorocstwa*, https://www.cai.org/pl/studia_biblijne/biblia-i-jej-wypełnione-prorocstwa, [dostęp: wrzesień – październik 2016 – wszystkie pozycje z internetu]; *Odkrywanie przyszłości: prorocstwa, przepowiednie, wizje jasnowiedzów*, wyb. i oprac. S. Lassare, Warszawa 1992.

² См. напр.: А. Polewska, *Wizje. Prorocstwa. Przepowiednie*, Kraków 2010; Z. Przybylak, *Sławne prorocstwa, objawienia i przepowiednie dla Polski i świata na XXI wiek*, wyd. II, Włocławek 2008.

³ В большинстве стран мира существуют официальные футурологические учреждения. Напр., в Польше, при Польской Академии наук, функционирует Комитет прогнозов Польша 2000+.

как интертекст в форме цитат, аллюзий, реминисценций, травести-рованных образов, событий, сентенций и т.п., выполняя различные гносеологические, идейные и эстетические функции. Как правило, футурологические элементы углубляют идейный посыл произведения, универсализируют изображенный в нем образ мира, вводя его в контекст эсхатологии, трансценденции или метафизики.

Литературная футурология, аналогично как и религиозная, развивается с древних времен. Она запечатлена в мифах, в произведениях Гомера, комедиях-утопиях Аристофана и др. Позже появились новые жанровые разновидности: утопии, научная фантастика, антиутопии. Издавна в литературных текстах могут уживаться образы и религиозного, и светского, в том числе научного характера, правдоподобие и фантастика. Вообще сам термин “будущее” является расплывчатым как для формализованного языка науки, так и для художественного языка литературы. Повествовательные средства вносят в прогнозирование новое качество, так как дают возможность приблизиться к непознанному и трудно подвергающемуся логическому систематизированию, освоить трагическое, критически взглянуть на механизмы развития цивилизации и на онтологические и нравственные ориентиры индивидов.

Уже Николай Бердяев заметил, что “русская литература самая пророческая в мире, она полна предчувствий и предсказаний, ей свойственна тревога о надвигающейся катастрофе”⁴. Элементы пророчества играли важную роль прежде всего в русской философии и литературе XIX и XX веков⁵. Как в прошлом, так и в настоящем находим множество примеров произведений русских авторов, заглядывающих в более или менее отдаленное будущее. Принадлежат к ним и предсказания представителей духовенства, вознесенных на алтари, как Серафим из Сарова, но также визионерские образы, вплетенные в тексты классической русской литературы, хотя статус литературного пророка тоже принадлежит к определениям ско-

⁴ Н. Бердяев, *История и смысл русского коммунизма*, www.1260.org/Mary/text/The_origin_of_Russian_communist_ru.html.

⁵ См. подробнее: A. Sawicki, *Profetyczny wymiar rosyjskiej filozofii religijnej*, „Annales UMCS” 2012, vol. 37, nr 2, s. 99; J. Jańczuk, *Fenomen profetyzmu w literaturze rosyjskiej XIX i początku XX wieku*, „Studia Theologica Pentacostalia” 2014, nr 2, www.academia.edu/5603650/fenomen_profetyzmu_w_literaturze_rosyjskiej.

рее метафорическим, чем научным⁶. Например, в стихотворениях Александра Пушкина и Михаила Лермонтова звучит уверенность в падении царизма, в произведениях Михаила Салтыкова-Щедрина – предвидение массовых репрессий, а в романах самого великого русского литератора-визионера Федора Достоевского предостережения перед человеком и обществом, пренебрегающим Богом. Кроме того, следует подчеркнуть, что каждый из футурологических жанров имеет в России богатую традицию. Некоторые исследователи выдвигают тезис, что одной из генетических черт русского характера, рядом с верой в возможность лучшей организации жизни и убеждениями в мессианистической роли России в мировой истории⁷, является утопическое мышление⁸. В прошлом русских писателей с пророческим даром и философов в первую очередь интересовало будущее собственной страны⁹, в настоящее время также будущее всего человечества.

Жанр утопии развивался уже в древнерусской литературе – к примеру, стоит припомнить такие тексты, как *Хождение Агапии в рай*, легенды о граде Китеже и озере Светлояр и др. В более поздних авторских утопиях (Михаил Щербатов) затрагивались существенные и нерешенные до сих пор проблемы, как идеал сильного, справедливого и хорошо организованного государства. Многие современные литературные футурологические образы становятся острее и глубже в контексте достижений фантастов XIX столетия. Например, Владимир Одоевский в романе “4338 год” (1835) создал образ России как центра мирового прогресса, которой другие народы, в том числе китайцы, во всем пытаются подражать; идеал монархии развил также родоначальник русской научной фантастики Фаддей Булгарин в повести *Сцены из частной жизни в 2028*

⁶ А. Ф. Оропай, «Спор о литературных пророках», «Вестник Ленинградского гос. ун. им. А. С. Пушкина» 2012, № 2, т. 2, cyberlinka.ru/article/spor-o-litetarurnyh-prorokah.

⁷ Н. Бердяев, *Русская идея: основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века*, philologos.narod.ru/berdyayev/berd-rusidea.

⁸ Е. Харитонов, *Россия в зеркале утопии*, www.fandoru.ru/about_fan/haritonov_06.html.

⁹ И. Асеева, *Проблема будущего и судьбы России в русской философии на рубеже XIX–XX веков*, «Вестник Томского государственного университета» 2008, № 12, ceberlinka.ru/article/n/problema-buduschego-i-sudby-rossii/hik-hh-N.

году (1843). Победа революции открыла на время перед утопистами новые перспективы: от создания рая на земле с коллективным, технически вооруженным человеком, хозяином вселенной, подчинившем себе природу (производственная проза, *Страна Муравия* (1936) А. Твардовского), по прогнозы победы социализма в космосе (*Аэлита* (1923) А. Толстого), и появление идеального, лишённого известных нам недостатков и невзгод, счастливого общества мира в “инженерной” утопии Владимира Никольского *Через тысячу лет* (1927).

Но с 20-х г. XX столетия внимание читателей и литературоведов стали в большей мере привлекать антиутопии, осмысливающие разные аспекты актуального для времени их создания общественного, или шире – цивилизационного кризиса. Вслед за родоначальником жанра – автором романа *Мы* (1920) Евгением Замятиным, писатели стали обращать внимание на возможности использования технического прогресса для лишения человека свободы и его полного подчинения государству. В условиях цензуры авторы научно-фантастических произведений создавали и припоминающие советский тоталитарный режим отсталые миры (напр., А. и Б. Стругацкие *Трудно быть богом* (1964), *Улитка на склоне* (1968), и предостерегали перед угрозой извне (*Пикник на обочине* (1972)). Современная русская прогнозирующая литература ведет с футурологическими образами, созданными в прошлом, беспрерывный диалог.

Из современных футурологических концепций в русской литературе выделяется картина, созданная Леонидом Леоновым в его романе итогов “*Пирамида*”¹⁰ (1994). Припомним, что Леонов работал над этим произведением около 40 лет и создал текст многосюжетный и многослойный, пытающийся охватить и отразить весь опыт религиозно-философской мысли, науки и искусства. Почти каждый функционирующий в нем образ или даже предложение это результат всестороннего диалога с традицией. Но из-за предельной насыщенности большинства предложений богатой информацией произведение является многозначным и трудным в восприятии, тем более, что писатель ведет свою игру с читателем и многократно отрицает утверждения, введенные раньше не только героями,

¹⁰ Подробный анализ этого произведения см.: W. Supa, „*Biblia a współczesna proza rosyjska*”, Białystok 2006, раздел „*Profetyzm i nauka jako podstawy gnozeologii w „Piramidzie”*” L. Leonowa, s. 230-303.

но и авторским повествователем. В романе изображена советская драматическая действительность 30-х годов XX века, вписанная в контекст прошлого и будущего всего человечества. Одним из компонентов романного мира является “псевдо-” или “научный апокалипсис по Никанору” (определения Леонова). Псевдоапокалипсис состоит из видений и вещей снов нескольких героев, информации, переданных то ли ангелом, то ли пришельцем из космоса Дымковым и научных теорий юного ученого Никанора Шамина, ученика Шатаницкого – дьявола в современной ипостаси. Это значит, что имеем дело с попыткой синтеза знаний разного происхождения, между прочим сверхъестественного и научного. Будущее всего человечества проповедуется в крайне катастрофическом духе, так как предсказана наша окончательная гибель, без надежды на спасение хотя бы небольшой части населения земного шара, при чем подчеркивается, что “человечество по собственной воле, без участия потусторонних сил устремлялось к своей судьбе”. Оптимистически звучит только допущение, что агония земной цивилизации растянута на миллиарды лет (пластично показаны в романе избранные стадии деградации), и что люди могут ее предотвратить. Много внимания автор уделил анализу причин Армагеддона. Самые существенные из них это вражда между имперскими государствами и разрушительные войны, космические катастрофы, но также погоня индивидов и народов за комфортом при одновременном духовном опустошении, неумелое использование собственных достижений, и, аналогично как у Достоевского – уход от Христа. “Земные боги” исчезнут, “подавленные своим могуществом”¹¹, земля по-прежнему будет прекрасной, но совершенно безлюдной.

Мотив не тотальной, как в *Пирамиде*, но почти глобальной катастрофы, вызванной самим человечеством, рассматривается в разных вариантах и в русской литературе XXI века. В последние десятилетия появился целый ряд сатирических постмодернистских антиутопий, представляющих, по словам Марка Липовецкого, разные версии ретробудущего¹², конечно, с целью приблизить ответы на эпистемологические запросы нашего времени. Принадлежат к ним романы *Кысь* (2000) Татьяны Толстой, *День опричника* (2006),

¹¹ Л. Леонов, *Пирамида*, т. 3, Москва 1994, с. 74.

¹² М. Липовецкий, *Метель в ретробудущем. Сорокин о модернизации*, details /17810/uos.colta.ru/literature/Project/13073/exspend=yes=exspend.

Сахарный Кремль (2008) и *Теллурия* (2013) Владимира Сорокина, *S.N.U.F.F.* (2011) Виктора Пелевина, из массовой литературы *Метро 2033* Дмитрия Глуховского и др. Все они в большей или меньшей мере отражают ощущение катастрофичности, осознание конечности и обреченности человеческого существования, имеющие источник в научных исследованиях на тему последствий загрязнения окружающей среды, возможности космических катастроф, нравственной деградации человечества, упадка высокой культуры и т.п. Общей чертой названных выше текстов является изображение мира “постапокалиптического”, когда уцелело небольшое количество людей, вынужденных искать альтернативные способы выживания и существования. Им предстоит жить в совершенно новых условиях, так как исчезли привычные для современных читателей атрибуты цивилизации (городская инфраструктура, техника, институты культуры и просвещения, предприятия организации быта). На время действия большинство названных выше авторов избрало первую половину XXI века (исключение – роман *Кысь*), но каждый из них сконструировал другую модель возрождающегося цивилизационного организма.

Итак, в антиутопии Т. Толстой, выбегающей на несколько столетий вперед, сталкиваемся с относительно новой реальностью, образовавшейся после Взрыва (это ключевое в романе слово совмещает в себе и ядерную катастрофу, и резкие политические и культурные перемены), погубившего почти все элементы прежнего мира, с его техникой и культурой, фауной и флорой. Уцелевшие люди-мутанты должны вновь изобретать все с нуля и повторять уже совершенные предками в прошлом ошибки, так как прервана нить преемственности и утрачена память о прошлом¹³.

Сорокин в *Дне опричника* и *Сахарном Кремле*, где роль “взрыва” приписана кризису власти и очередным крутым “смутам”, показал Россию в ее сегодняшних размерах, но в новой геополитической ситуации, когда Западная Европа утратила лидерскую позицию, а на первое место по производству всех благ выдвинулся Китай. Кстати, футурологические картины писателя в какой-то мере оказались

¹³ Подробный анализ романа см.: W. Supa, *Satyra w antyutopii postmodernistycznej. Powieść „Kys” T. Tolstoj*, [w:] *Satyra w literaturach wschodniosłowiańskich*, t. 7, red. W. Supa, Białystok 2008, s. 312.

созвучными с предвидениями болгарской предсказательницы Вангелины Димитровой (Ванги), которая предсказывала, что приблизительно в 2030 г. наступит возрождение старой России в роли “хозяина мира”, после ее сближения с Китаем и Индией. По Сорокину в истории России вечными оказываются имперские синдромы, из прошлого оживает то, что самое жестокое и отвратительное: слепой культ единоличной власти, закостенелых религиозных, далеких от гуманизма практик и не всегда хорошей традиции. Писатель в интервью не один раз подчеркивал, что такое зло, как опричнина, существовало не только при Иване Грозном, но в принципе она “вечно живая”; в измененных формах процветала в эпоху социализма и дает о себе знать и в постсоветское время. Высоко развитая техника (водородные двигатели автомашин, видео-телекоммуникация, роботы) в ситуации полного подчинения граждан государству, бесправия, эгалитаристской структуры общества облегчает жизнь лишь общественной верхушке – царской семье, олигархам, и опоре системы – опричникам XXI века. Политика самоизоляции от Запада и своеобразный союз с Китаем, т. е. скорее подчинение этой стране, привели Россию к полуколониальному положению. С одной стороны имеет место насильственная модернизация жизни, с другой – возврат к старому. Опричники и другие члены общества понимают, что обязанность одеваться в сарафаны и кафтаны, есть щи, пить хлебной квас, не меняет факта, что в стране все импортное, от хлеба по самолеты. Сорокинский образ государства будущего очень далек от грез Одоевского или Булгарина, может быть потому, что тесно связан с анализом развития исторического процесса. Писатель показал, что попытки модернизации уклада жизни путем воскрешения не всегда похвальной традиции обретают черты колонизации, осуществляемой изнутри. Как известно, многие предсказания Сорокина насчет империализации русской политики сбылись, в разговорном языке появилась даже поговорка “мы развиваемся по Сорокину”.

В футурологическом мире автора *Голубого сала* нашлось также место для юродивых и ясновидящих. Сюжетный эпизод с магическими практиками дополняет сатирическую характеристику России будущего и царской семьи в частности. Сорокин создал постмодернистский портрет ясновидящей Прасковьи – наследницы многих поколений жрецов и шаманов, которая также принадлежит к привилегированному слою общества. Прасковья живет в богатстве

и роскоши, в ее тереме старина эклектически перемешана с ультра современностью. У нее отряд охранников и прислуги, при чем во дворце работают исключительно китайцы – борцы кунг-фу. Прасковья любит смотреть в огонь, особенно когда его поддерживают книги русских классиков (в присутствии главного героя опричника Комяги красиво и каждый по-другому горят романы *Идиот* и *Анна Каренина*), что отражает пренебрежительное отношение элиты к высокой культуре и предвещает ее упадок. Она безошибочно знает, что произойдет в жизни Комяги в ближайшее время, но на волнующий и его, и многих других вопрос: “что будет с Россией” только в состоянии ответить: “ничего не будет”. Магическими возможностями предсказательницы регулярно пользуется царица-нимфоманка, чтобы возбудить любовь в очередном понравившемся ей офицере гвардии. Для магического обряда ясновидящей нужна прядь волос и нижнее белье кандидата в любовники – эти вещи она погружает в таз с постным маслом и произносит бессвязные, алогические заклятия. В связи с тем, что цель ее усилий является довольно низкой и смешной, образ ясновидящей воспринимается как явно гротескный.

Рассказы, составляющие роман *Сахарный Кремль*, дополняют картину ретробудущего, расширяя отражение объема “коллективного бессознательного” на героев из разных общественных групп; показаны и “простые”, живущие в условиях русского “просвещенного феодализма” по домостроевским принципам взрослые и дети, и слуги режима, в том числе палачи, реализующие публично решения о наказании в чем-то провинившихся. В этом произведении футурология также, как в *Дне опричника*, взаимосвязана с современным политическим и культурным контекстом. В завершающем изображаемом рассказе сигнализируется конец русской опричной монархии и очередной переворот, но ничто не обещает, что положение изменится к лучшему; в публицистических выступлениях Сорокин предсказывает распад России.

Относительно новые футурологические акценты, касающиеся на этот раз всего человечества, находим у Сорокина в *Теллурии* и в романе *S.N.U.F.F.* Пелевина. Первое из названных произведений аналогично, как *Сахарный Кремль*, состоит из небольших рассказов с самыми разнообразными героями, живущими в разных местах Европы и Азии в 2020-х гг. Рассказы написаны в постмодернистском ключе разными стилями и с использованием различных по-

вестовательных стратегий. В конвенции постмодернистской игры с читателем представлена ситуация, когда после продолжительных конфликтов и битв между цивилизациями известный нам мир распался и исчез. Появились новые общественно-политические структуры, нынешние государства распались на небольшие княжества и ханства. В общем, суженный и раздробленный мир стал полем для новых глобальных сражений¹⁴. Технический прогресс не привел ни к всеобщему благосостоянию, ни к гуманизации человеческих отношений; продолжается борьба за доминацию, за необходимые для жизни блага чуть ли не всех со всеми. Все идут большие и локальные войны: Европа воюет с джихадом, коммунисты с монархистами и т. п. Жизнь вернулась к средневековому феодализму, ее атрибутами стали нищета, голод, насилие, мракобесие¹⁵, но и полу магические изобретения техники, вроде “умницы”, т.е. телефона, компьютера, телевизора и робота в одном. Ожили старые и появились новые чудовища: землю заселяют существа разных размеров и форм (большие, средние и маленькие люди, псогловцы, кентавры), и разных взглядов (православные коммунисты, крестоносцы и прочие). Лекарством на все невзгоды автором избрано загадочное вещество – теллур. Многие люди независимо от размера и профессии мечтают об обладании этим полу реальным, полу чудесным средством. По Сорокину теллур – литературный родственник голубого сала из его более раннего романа и сказочных магических предметов – выступает в самой природе как живородный металл. Разбросанные по всему тексту информации на тему теллура (главного героя романа) рисуют воображаемую картину человеческого утопического счастья. Но в мире произведения теллур объявлен наркотиком и является предметом полузапрещенной торговли. Дозу теллура в виде гвоздей “плотники” забивают желающим в голову (литературная материализация поговорки “вбивать в голову”), от чего некоторые умирают, но другие прозревают. Теллур гарантирует не только удовольствие и кратковременное счастье (домена наркотиков), но и познание, прозрение, возможность проецировать

¹⁴ Б. Ланин, *Русская утопия, антиутопия и фантастика в новом социально-культурном контексте*, “Проблемы современного образования” 2014, № 1, с. 161-168, www.pmedu.ru/res/2014_1_15.pdf.

¹⁵ С. Резниченко, “Теллурия” как образ будущего, www.srku.ru/criticism/tellurjakak-obraz-budushego.

себя и мир. Как видим, именно магическое трактуется автором как средство перемены сущности человека и его роли в мире. Теллур содержит потенциал создания идеальной жизни, так как лечит все болезни, побеждает время и смерть, дает возможность самые сокровенные желания превращать в реальность. Люди могут слиться с природой и “творить свой мир, чудесный, совершенный, бесконечный, в бесчисленных возможностях своих”. Могут творить “и себя, не ведая ни роковых болезней, ни слабости телесной, ни обид”, без страха и боли¹⁶, значит – благодаря теллуру станут равными богам. Идея возвращения к природе, к забытым корням с целью ведущего к приобретению божественного статуса самосовершенствования, вписывают футурологическую картину Сорокина в естественный и вряд ли возможный альтернативный процесс развития. Вопреки всему *Теллурия* убеждает, что человек может (и должен), если захочет, изменить свою антропологическую сущность, векторы бытия и основы существования, вопрос только в том, что даже если захочет, хватит ли у него последовательности.

В свою очередь Пелевин в романе *S.N.U.F.F.* сосредоточился на социокультурной проблематике и кризисе личности в условиях, когда технический прогресс, развивающийся в уже давно заданном направлении, гарантирует удобную и вроде бы благополучную жизнь, но не гарантирует счастья, а лишь его иллюзию. Писатель гиперболизировал, доводя почти до абсурда, многие проблемы “пожирающей самую себя современности” и экстраполировал их на несколько десятилетий вперед в будущее, экспонируя кризис отношений между людьми, в том числе кризис отношений между мужчиной и женщиной, человеком и медиа. Придуманый им мир является еще более дифференцированным, чем наш, потому что после ядерной катастрофы он стал раздвоенным, буквально разделенным на “верхний” (высоко развитые страны), находящийся на гигантском спутнике, и “нижний” (все остальные государства, или, как считают некоторые критики – Россия). Эти миры разъединены цивилизационно и даже антропологически, но и взаимосвязаны. В первом, названном Бизантиум (один из приемов авторской игры это наполнение новым смыслом понятий, вызывающих определенные ассоциации) обитают люди, сохранившие благополучие и статус привилегированных, и это они пожинают плоды успешно развивающейся роботизации

¹⁶ В. Сорокин, *Теллурия*, с. 39, <https://www.litmir.ma/br?b=1780600>.

и заменяющей предметы и явления реального мира вездесущей визуализации. В Бел-Бизе сформировалась “либеральная демократура в форме манитуальной (от бога Маниту) демархии”. Создана новая, более прагматическая и менее гуманная, чем христианская, религия, развились другие культурные коды и языки (напр., церковно-английский, верхне-среднесибирский). Верхние люли следят за живущими в нижнем мире (Уркаина) орками (припоминающими людей начала XXI века), и манипулируют ними, искусственно вызывая ненужные войны ради собственного развлечения. Почти о всем в визуальном обществе решают средства массовой передачи, манипулирующие фактами, словами и образами. Если нет нужных фактов, сомелье (политтехнологи) их препарируют. Самые серьезные проблемы высокоразвитого стареющего общества это усилившаяся эмоциональная и сексуальная эмансипация, одиночество и скука. Результатом выпуска почти совершенных роботов и дронов является стирание внутренней сути человека, который может оказаться “езде”, не трогаясь из своего тесного помещения – нажатие кнопки меняет декорации и ощущения, создавая иллюзию путешествий или хотя бы посещения ресторана. Главный герой и одновременно рассказчик Карпов вместо живых женщин избрал общение с роботом – сурой (суррогатная женщина) Каей, определяемой как “самоподдерживающаяся биосинтетическая машина класса “премиум 1” из ноткани”. Он считает Каю более совершенной и доставляющей меньше хлопот, чем живые женщины (“Скорее, суррогатами в наши дни являются женщины живые”)¹⁷. В Каю, чтобы не было ни скучно, ни опасно, можно вливать культурные коды, программировать параметры типа: “духовность”, “существо”, “соблазн”, “прямота”, “коккетство” в избранных дозах, но этот новый тип любви – любовь к роботу несет не меньше проблем, чем любовь к живой женщине. Пелевин убеждает, что мучающие многих наших современников проблемы в будущем еще усилятся, а техника, какой совершенной бы она ни была, останется перед ними бессильной.

Многие представители т.н. массовой литературы разрабатывают аналогические проблемы и в тематическом, и в идейном аспектах. На первое место выдвигается вопрос о целенаправленности технического прогресса, угрозы ядерной катастрофы, старения общества, перенаселения земного шара. Уцелевшие в подземельях московс-

¹⁷ В. Пелевин, *S.N.U.F.F.*, с. 24, <http://litres.ru/viktor-pelevin-snuff>.

кого метро (роман *Метро 2033*) герои Глуховского утратили очень многое из нашего материального мира, но в отличие от героев романа *Кысь* сохранили прежний менталитет и духовность. Благодаря этому они в состоянии организовать свой быт, используя то, что сохранилось (вагоны, электричество, часы, оружие), но не в состоянии акцептировать другие разумные существа (таинственные “черные”) и отказаться от стремления их порабощения или ликвидации.

Проблемы перенаселения и истощения многих необходимых для жизни на Земле природных ресурсов затрагивают м. п. две антиутопии из под знака массовой литературы: *Райская машина* (2006) Михаила Успенского и *Будущее* (2013) Д. Глуховского. Содержание сатирического романа Успенского с занимательным сенсационным сюжетом концентрируется на актуализации вечных и распространенных архетипов: рая, бессмертия, правды, счастья, равенства. В сконструированном автором мире бедствием стала численность пенсионеров (в Западной Европе перспектива вполне правдоподобная). Экономисты подсчитали, что Европа не в состоянии их всех выкормить, и пытаясь не допустить гигантского хаоса, международные организации предлагают миллионам жителей всех европейских стран вроде бы прекрасный и чудесный выход – высылку в другой мир, другое пространство, где всех можно не только выкормить, но и омолодить, оздоровить, осчастливить. Мировая экономика перестроилась в соответствии с потребностями эвакуации. В России имеет место нахальная, веденная по советским образцам пропаганда и агитация, воспевающая рай, названный словом Химэй. Единственным источником сведений о Химэе, в ситуации, когда ликвидированы библиотеки и пресса, является интерактивное телевидение, которому верят далеко не все, и “достигшие”, т. е. люди, якобы уже в Химэе побывавшие, и вернувшиеся, чтобы дать о нем свидетельство. Главный герой *Райской машины* ученый-историк Роман Мерлин подозревает, что новооткрытый Эдем это вымысел, созданный затем, чтобы не только решить проблему перенаселения, но вообще “освободить планету от двуногого балласта”, расплодившегося в “ущерб людям деятельным, творческим, здоровым душевно и телесно”¹⁸. Подробности высылки в Химэй по-

¹⁸ М. Успенский, “*Райская машина*”, Москва 2009, с. 306.

казывают, что в глобальных кризисных ситуациях оживают идеи фашизма и коммунизма и сливаются с идеями современного капиталистического глобализма; в неизвестное сперва высылали престарелых, больных и калек, затем тех, кто в состоянии заплатить. Романый статус этого рая и само его существование для читателя остаются загадочными, так как разоблачающие факт его существования герои все таки отправляются туда вместе с большинством.

Глуховский в своем романе также проецировал на будущее некоторые уже известные статистические данные и экстраполировал проблемы перенаселения и старости, но развил их в контексте эсхатологическом. В его антиутопии создана картина мира XXIV столетия, когда в результате постижения бессмертия на земле живет свыше триллиона людей, Европа превратилась “в грандиозный гигантополис, подмявший под себя половину континента, попирающий землю и подпирающий небеса”¹⁹. Поднебесные вавилонские башни перестали возмущать Бога, так как негде жить ни людям, ни Ему. Бессмертие перестало быть атрибутом Бога (богов), но его биологическая форма, в отличие от традиционного бессмертия души, принесла людям новые сложные проблемы. Большинство бессмертных гнездится в тесных каморках; у главного героя помещение 2 x 2 x 2 метра. Они вечно молоды и красивы, не знают болезней, медицина предлагает им таблетки счастья, смысла и всего прочего, техника – скоростные лифты и поезда, парки отдыха, красивые искусственные пейзажи и прочие суррогаты, включая пищу – популярным блюдом стали “кузнечики о вкусе картошки”. Наибольшей угрозой для сложившегося порядка является самая человеческая натура, биологические инстинкты и эмоционально-интеллектуальные потребности, типа любовь, самостоятельное постижение смысла жизни, желание продлить свое существование в потомках, вера в существование высшего порядка, т. е. Бога. Правители обоснованно боятся, что рождение новых существ в ситуации, когда дефицитом становятся воздух и вода разрушит установленное хрупкое равновесие.

На первый план в романе выдвинута эволюция главного героя Яна Нахтигаля, “опричника будущего”, т. е. члена штурмовых

¹⁹ Д. Глуховский, *Будущее*, с. 26, http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6113315.

отрядов, наказывающих нарушителей обывающих законов. Общественная структура будущего европейского общества характеризуется на ходу развития сюжета, сконцентрированного на работе героя, его не планированной влюбленности и поисках корней, сюжета с элементами сенсации, изобилующего в неожиданные повороты действия и натуралистические, жестокие сцены. Читатель узнает, что у *homo immortales* есть выбор – или сохранить предложенный генной инженерией дар, или подчиниться древним инстинктам и завести ребенка. Беременность надо регистрировать; для сохранения баланса один из родителей получает укол, лишаящий его бессмертия. Быстро старея, “уколотый” в течение около десяти лет может воспитывать своего ребенка, умирая, освобождает ему место. Конечно, есть нарушители порядка, и у тех сразу отнимают детей, воспитывают их в припоминающих колонии для преступников интернатах, превращая в бездушных слуг системы. Лишенные бессмертия и дети изолированы от бессмертных в выделенных резервациях. Такой порядок нравится далеко не всем и против него выступают подпольные организации, типа Партия жизни. Все факты и художественные детали романа Глуховского касаются философии смерти и бессмертия.

Идея бессмертия и его концепт с доисторических времен были, с одной стороны, двигателем многих человеческих усилий, стремлений, мечтаний, интересующих философов²⁰, религиозных мыслителей, людей искусства, и литераторов. Как известно, представления о смерти и бессмертии являются ключевыми в больших религиях мира. Религии выводят бессмертие за границы земной жизни и оно воспринимается как идеал, к которому каждый может стремиться, конечно, без никаких гарантий постижения. Литераторы издавна в своем воображении рисуют результаты последствия приобретенного людьми бессмертия в земной жизни. Глуховский, который

²⁰ См. напр.: C. G. Jung, *Rebis czyli kamień filozofów* (раздел *Dusza i śmierć*), przeł. J. Prokopiuk, Warszawa 1989; K. P. Kramer, *Śmierć w różnych religiach świata*, przeł. M. Chojnacki, Kraków 2007; *Antropologia śmierci. Myśl francuska*, przeł. S. Cichowicz, J. Gadzinowski, Warszawa 1993 (особенно раздел V. Jankelevitch *Tajemnica śmierci i zjawisko śmierci*); Z. Bauman, *Śmierć i nieśmiertelność. O wielości strategii życia*, przeł. N. Leśniewski, Warszawa 1998.

убежден в том, что “бессмертие находится от нас на расстоянии вытянутой ладони, что оно более реально, чем полеты в космос”²¹ решает проблему в духе Хорхе Борхеса, который принадлежит к его любимым писателям²². Конечно, приобретение бессмертия существенно меняет сложившийся на протяжении тысячелетий порядок жизни, ее основные механизмы, аксиологию и онтологию. Бессмертным не нужен Бог, так как они считают себя самих равными богам, перестав “быть созданием”, а став создателем (перекличка с Уэллсом). Но автор убедительно показывает, что бессмертие не делает человеческую жизнь ни более осмысленной, ни счастливой, а людей более совершенными. Люди вообще мало меняются²³, автор снабдил большинство своих героев в набор традиционных изъянов, как эгоизм, ревность, мстительность, жестокость и т. п. Бессмертие не спасает от скуки, внутренней опустошенности и чувства бессмысленности жизни, что иллюстрирует самоубийство одной из “бессмертных” героинь Эллен Шреер. Те, кто испытал настоящие человеческие чувства: любовь, утрату любимой, утрату ребенка, осознают ненужность и опасность бессмертия. Одна из второстепенных героинь Беатрис, которая долгие годы пыталась в подпольной лаборатории изобрести средство против акселератора смерти, после многих испытаний приходит к ключевому выводу, который надо трактовать как главный аксиологический посыл романа:

Нам нужна смерть! Мы не должны жить вечно! Нас такими не делали! Мы слишком глупы для вечности, слишком самонадеянны. Мы не готовы жить без конца. Нам нужна смерть. Мы не умеем без смерти; Смерть дает обновление и “обнуление”..., заставляет пользоваться жизнью, заставляет торопиться (*Будущее*, с. 329-330).

²¹ Писатель говорит об этом в многочисленных интервью. См., напр.: Д. Глуховский, *Фантасты меня не любят...*, интервью. С. Ефимову, www.kp.ru/daily/26140.2/30300.

²² Д. Глуховский, *Владимир Сорокин предсказал наше будущее*, sobesednik.ru/culture/290120716-dmitrij-glukhovsi-vladimir-sorokin-predskazal-nahe-budusheje.

²³ Д. Глуховский считает, что люди “будут рабами своих эмоций” еще на протяжении миллиона лет. Д. Глуховский, *Хватит говорить, что наш zipun лучший в мире*, интервью, ekburg.tv/novosti/obshhestvo//dmitrij-glukhovskuij-hvatit-govorit_chno_nash_zipun_luchshisj_v_mirie.

Убежденный в ненужности бессмертия Нахтигаль в финале повествования заражает вирусом смерти сотни своих сограждан. Таким образом, одновременно с осуждением и ликвидацией в романном мире бессмертия, Глуховский “вернул человеку человечность”²⁴, так как именно сознание смерти рождает чувство ответственности за свою жизнь и жизнь других.

Структурирующую роль смерти как обновителя и гаранта жизни показывают также многие другие современные писатели, напр., Михаил Успенский в одном из романов, входящих в состав фантастически-приключенческой серии о Жихаре *Кого за смертью посылать?* В общем, авторы современных антиутопий показывают, что будущее вряд ли будет гуманнее и лучше современности, что изобретения технического прогресса и генной инженерии, аналогично как и революционная перемена жизнеустройства, приносят почти столько же пользы, что и вреда.

Кроме сатирических антиутопий в современной русской литературе создаются и почти “чистые” в жанровом аспекте утопии, предлагающие для противовеса оптимистические проекции русского будущего, отвечающие на вечные мечты народа о сильном, престижном и хорошо функционирующем государстве. С основными идеями обсуждаемых выше мрачных картин будущего перекликается роман Михаила Юрьева *Третья империя. Россия, которая должна быть* (2008). Произведение представляет собой повествование, стилизованное на научное историко-политологическое исследование прошлого и “настоящего” России, при чем романное настоящее это опять половина XXI века. Авторство текста приписано иностранцу-русоведу бразильцу Альвареду Бранку душ Сантуш, потомку правителей Южной Америки, который посещал Россию в 50-е г. нынешнего столетия. Повествователь многократно обращается к своим соотечественникам, сравнивает явления (как в России, как “у нас”), пытается “объективно” определить как достоинства, так и недостатки устройства самой сильной в мире империи и учесть “все аспекты русской жизни” в “сравнении нынешней и прошлых эпох”²⁵. Рассказ

²⁴ Ср.: И. Валерина, *Рецензия на роман Д. Глуховского «Будущее»*, https://www.stihi.ru/diary_elligren.

²⁵ М. Юрьев, *Третья империя*, с. 2, iknigi.net/avtor-mihail-yurev/19833-tretya-imperya-mihail-yurev.html.

о менее или более известном прошлом²⁶ содержит элементы альтернативности и спорные субъективные оценки, что иллюстрируют, между прочим, прозвища советских и постсоветских правителей: Владимир I Иуда (1917–1923), Иосиф I Великий (1923–1953), Борис II Проклятый, правление которого привело “к полной деградации государства и общества”, Владимир II Восстановитель, который “вернул культ гордости Россией”. Юрьева почти не интересуется научно-технический аспект будущего (упоминаются только возможности регенерирующей противозрастной медицины, технодопросы с психотропными средствами как лекарство от коррупции и других злодеяний, экспансивная трактовка природы), зато много внимания посвящает политике и социологии. Знакома читателя в духе имперской историографии с жизнью и деятельностью создателя третьей империи Гавриила Великого – “самого великого человека XXI века на земле”, писатель вводит рецепты на модернизацию и повышение боеспособности армии, стратегию победных войн, на реформу экономики, юрисдикции, религии и всех остальных областей жизни. Конечно, для практических целей открытия Юрьева имеют такое значение, как, напр., формулы состава космического топлива в научной фантастике 50-х г. XX века для полетов в космос, т. е. нулевое. Кроме того, в изображении футурологического государства имеет место целый ряд алогических нестыковок, которые усердно улавливает критика²⁷.

В России будущего демократически избранный Гавриил отказался быть президентом, а захотел править в качестве самодержца, т. е. единоличного верховного правителя, чьи решения являются окончательными. Новая конституция право выбирать власть предоставляла только одному из трех сословий – служилому или опричному, составляющему около 2% населения. Автор объясняет, что определение “опричники” для служилого сословия было введено “ради эпатажа”, так как солдаты третьей империи ничем не припоминали “мерзких палачей и карателей Ивана Грозного”, ни героев Сорокина. Напротив, это высоко квалифицированные воины – профессионалы,

²⁶ Имеются ввиду интерпретации международных отношений, история завоевания Россией Кавказа и Сибири.

²⁷ См. напр.: С. Соболев, рецензия, www.s3000.narod.ru/2007/309.htm; О. Рычкова, *С мечтой об опричнине*, www.trud.ru/article/24-01-2007/11883_s_mechtoj_ob_oprichnine.html.

люди чести, глубоко религиозные, для которых жизнь это служба (пожизненная) государству и народу.

Юрьев многократно подчеркивает, что идея восстановить империю была подготовлена всей историей русского государства и заслугами всех поколений, что сама империя это “подобие царства божьего на земле”, устроенного по принципам, соответствующим христианским заповедям. Это государство, заботящееся в первую очередь о создании условий для спасения души и обретения вечной жизни, о том, чтобы вера в Христа не прекратилась, и чтобы “не дать миру скатиться в абсолютное зло – в царство Антихриста” (*Третья империя*, с. 267). Часть общества верит, что русская армия способна остановить воинство Антихриста и тем самым отодвинуть конец света. Сильная и экономически самодостаточная Россия стала инициатором нового мирового порядка, гарантом сосуществования пяти мировых держав (кроме России, Американская Федерация, Китай, Халифат, Индийская Федерация) и спасителем земной цивилизации перед окончательной катастрофой - концом мира. Но созданию такого государства предшествовала расправа с давними врагами – Северной Америкой, Западной Европой и ближайшими соседями – поляками, балтами, украинцами. Европа была полностью аннексирована и ликвидирована, а соседние народы русифицированы и надолго лишены всяких прав, так что утопический оптимизм обсуждаемого романа забронирован только для русских и их единомышленников. В данном случае авторские размышления о судьбе и назначении России ее воображаемое могущество связывают с опасными идеями господства и преобладания над другими народами. К стати, и гражданам империи, из которых 97,5 % лишены избирательных прав, имеют ограниченный доступ к интернету, не могут свободно путешествовать, подвергаются технодопросам и т.п. нечего завидовать. С точки зрения читателя-иностранца *Третья империя*, вопреки воле автора, более близка антиутопиям, чем утопиям.

В *Послесловии автора*, адресованном русскому читателю, языком публицистики прогнозируется, что третье тысячелетие будет периодом войн, что Америка ослабнет, а Европа без нее не сохранит свой суверенитет, произойдет радикальное укрупнение стран, что в общем не так уж невероятно.

Просмотр избранных произведений современной русской прозы, содержащих футурологические образы, убеждает в том, что доми-

нирует предельно критическая оценка современной цивилизации с ее историческим прошлым и уже намеченными наукой перспективами развития, убеждение, что именно нынешняя антропологическая ситуация является опасной для самой себя. Предсказуемые проблемы, с которыми человечество может столкнуться в будущем, это крупные ядерные или космические катастрофы, перенаселение, исчерпание природных ресурсов, модификация общественных отношений и снижение активности индивидов как следствие роботизации и визуализации жизни, нравственная деградация человеческих особей. Для создания картин будущего по-прежнему пригодной является не только широко понимаемая наука (общественные и естественные науки) и литературная традиция, но и религиозная терминология и символика (рай, апокалипсис, вавилонские башни, распятие и многое другое). Вопрос, что из современных литературных предсказаний русских писателей сбудется, пока должен остаться открытым.

SUMMARY

Problems of anthropology of the future in contemporary Russian literature

The article reviews religious and secular futurological statements in connection with the predestination of Russian literature to an interest in the future. Futurological projects and visions in the works of the 20th and 21st century, belonging to high literature (Leonov's, Sorokin's, Tolstoy's, Pelevin's writings) and low literature (Glukhovsky's, Uspensky's, Jurijev's writings), are described in the context of literary tradition and philosophical thought.

KEYWORDS: prophecy, futurological projects, anti-utopia, contemporary Russian literature, catastrophism, optimism